

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141

Научная статья / Research paper

Чжу Сюй*

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ — ИНДИЯ — КИТАЙ»: СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В основе современного мироустройства лежит всё более усложняющаяся система межгосударственных отношений, что указывает на необходимость тщательного учета международного контекста даже при анализе взаимодействия двух стран. С этой точки зрения значительным эпистемологическим потенциалом обладает концепция «стратегического треугольника», разработанная в годы холодной войны и применявшаяся прежде всего для исследования динамики отношений между СССР, США и КНР. В современных условиях особенно интересным представляется использование данной концепции для изучения логики взаимодействия в треугольнике «Россия — Индия — Китай» (РИК). Настоящая статья преследует две взаимосвязанные цели. С одной стороны, речь идет о том, чтобы выявить специфические черты этого нового стратегического треугольника, особенности его структуры и взаимоотношений его участников. С другой стороны, на этой основе можно будет сделать вывод, в какой степени теоретические модели, разработанные в годы холодной войны, применимы для объяснения отношений в рамках стратегического треугольника РИК. Автор последовательно анализирует историю, общую динамику и современные особенности взаимодействия в рамках каждой из пар двусторонних отношений в этом треугольнике. Проведенное исследование подтвердило гипотезу, что РИК действительно образует

* Чжу Сюй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhuxu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1192-4706).

особую подсистему международных отношений, для описания которой можно использовать концепцию «стратегического треугольника». При этом, в отличие от китайско-американо-советского стратегического треугольника, в рамках РИК в целом преобладает логика сотрудничества, а не соперничества. В то же время треугольник РИК представляет собой внутренне противоречивую систему. Если Китай и Россия в целом тесно взаимодействуют практически во всех сферах, то в случае Индии и России экономические отношения не вполне отвечают достигнутому уровню политических контактов, а китайско-индийское сотрудничество, несмотря на в общем позитивную динамику последних лет, остается на низком уровне. В этих условиях возникает необходимость разработки новой теоретико-методологической рамки для анализа трехсторонних отношений между Россией, Индией и Китаем как особой подсистемы современной мировой политики, свободной от стереотипов холодной войны.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, КНР, стратегический треугольник, РИК, стратегическое партнерство, стратегический союз, политический блок, многополярность, полицентричность, геополитическая ось

Для цитирования: Чжу Сюй. Стратегический треугольник «Россия — Индия — Китай»: структура и проблемы взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 107–141. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141.

Zhu Xu

STRATEGIC TRIANGLE 'RUSSIA — INDIA — CHINA': STRUCTURE AND PROBLEMS OF INTERACTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

A contemporary world order is based on an increasingly complex system of interstate relations, which implies the need to thoroughly consider the international context, even when analyzing bilateral interactions. From this point of view, the concept of a 'strategic triangle', developed during the Cold War and applied primarily to analyze the dynamics of relationships between the USSR, the USA and the PRC, appears to have significant epistemological potential. In current conditions, it is of particular interest to use this concept to study the logic of relations in the 'Russia–India–China' (RIC) triangle. This research pursues two interrelated goals. On the one hand, it is aimed at identifying specific features of

this new 'strategic triangle', its inner structure and logic of interactions between its participants. On the other hand, it assesses the applicability of the theoretical models developed during the Cold War to the relations within the framework of the RIC strategic triangle. The author examines the history, general dynamics and contemporary features of interaction within each pair of bilateral relations in this 'triangle'. The research has confirmed the hypothesis that the relations between Russia, India, and China, indeed, form a specific subsystem of international relations, which can be described as a 'strategic triangle'. At the same time, unlike the Sino-American-Soviet 'strategic triangle', it is the logic of cooperation, rather than rivalry, which generally prevails within the framework of the RIC.

However, the RIC 'triangle' can also be described as an inherently inconsistent system. While China and Russia maintain close strategic cooperation in almost all areas, in the case of India and Russia, economic cooperation does not match the achieved level of political contacts, and Sino-Indian relations, despite the generally positive dynamics during the recent years, remain at a low level. All this points to the need to develop a new theoretical and methodological framework for analyzing trilateral relations between Russia, India and China as a special subsystem of the contemporary world politics, one that will be free from Cold War stereotypes.

Keywords: Russia, India, China, PRC, strategic triangle, RIC, strategic partnership, strategic alliance, political bloc, multipolarity, polycentricity, geopolitical axis

About the author: *Zhu Xu* — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhuxu@mail.com; ORCID: 0000-0002-1192-4706).

For citation: Zhu Xu. 2023. Strategic triangle 'Russia — India — China': Structure and problems of interaction. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 107–141. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141. (In Russ.)

В основе современного мироустройства лежит комплексная система межгосударственных отношений. Наличие этой системы подразумевает, что для понимания логики двусторонних взаимодействий нельзя ограничиваться только рассмотрением политики их непосредственных элементов, необходимо учитывать и фактор третьих стран.

Одним из первых к последовательному научному изучению особенностей трехсторонних международных взаимоотношений

обратился британский ученый Мартин Уайт. Он выделил четыре типа поведенческих моделей в рамках подобных взаимодействий: «решающий бой» (модель чемпионата мира), «полуфинал», «соревнования в первом раунде» и, наконец, «предварительный раунд» [Wight, 1977]. Его концепция концентрировалась на конфронтационных аспектах международных отношений, пренебрегая факторами, обуславливающими возможность сотрудничества и кооперации.

В 1980-е годы американский ученый Лоуэлл Диттмер охарактеризовал взаимодействие между Китаем, США и СССР как «сделку между тремя игроками» [Dittmer, 1981]. На этой основе он сформулировал три модели трехсторонних отношений:

1) «любовь втроем» (фр. *«ménage à trois»*) — предполагает наличие симметричных и гармоничных отношений между всеми тремя сторонами;

2) «любовный треугольник» (англ. *«romantic triangle»*) — заключается в том, что одна сторона (*pivot*) устанавливает гармоничные отношения с двумя оставшимися, а те (*two wings*) в свою очередь оказываются враждебны друг другу;

3) «стабильный брак» (англ. *«stable marriage»*) — означает, что между двумя сторонами установились гармоничные отношения, при этом обе они находятся во враждебных отношениях с третьей стороной.

С окончанием холодной войны значение стратегического треугольника в лице Китая, США и СССР снизилось, но теория трехсторонних отношений продолжила активно развиваться. Л. Диттмер уточнил определение трехсторонних отношений, сформулировав их параметры:

а) участники треугольника рассматриваются как рациональные автономные акторы;

б) двусторонние отношения между любыми двумя из этих акторов неразрывно зависят от их отношений с третьим;

в) каждый участник треугольника постоянно стремится привлечь на свою сторону одного или другого либо обоих оставшихся акторов, чтобы предотвратить их сговор и продвигать собственные интересы [Dittmer, 2005].

В целом к настоящему моменту концепция «стратегического треугольника» успела зарекомендовать себя в качестве перспективного инструмента для анализа взаимоотношений между ведущими

державами. Профессор Института международных отношений Пекинского университета Ча Даоцзюн считает, что в рамках данной концепции отношения между тремя национальными государствами рассматриваются как единая динамично развивающаяся система [Zha, 2001]. Профессор Института международных исследований Университета Фудань Чжао Хуашэн полагает, что отношения в треугольнике отличаются сбалансированным характером и опираются на взаимную заинтересованность, что, однако, вовсе не исключает конкуренции, конфликта [Чжао, 2018]. Что касается китайско-американо-советского стратегического треугольника, то профессор Школы политики и международных отношений Университета Тунцзи Ся Липин считает, что его теоретической основой является концепция «баланса сил» [Ся, 2002]. Известный российский китаевед Юрий Галенович отмечает, что каждый из членов треугольника — незримый участник двусторонних отношений двух других его участников [Галенович, 2006].

При этом обзор российских и зарубежных исследований показал, что концепция «стратегического треугольника» стала широко использоваться в научном дискурсе после китайско-американского примирения в начале 1970-х годов для описания отношений между США, СССР и Китаем¹ [Kim, 1987; Воробьева, Юнгблюд, 2019]. Однако в настоящее время в академических кругах нет единства мнений относительно самой концепции, которой не хватает строгого и унифицированного определения.

Некоторые ученые даже полагают, что само понятие «стратегический треугольник» в последние годы размывается [Дегтерев, Рамич, 2021], поэтому часто и возникают разногласия вокруг его определений. Кроме того, в современных международных исследованиях всё чаще ставится вопрос о том, могут ли малые и средние государства, а также негосударственные акторы выступать в качестве элементов подобного треугольника. В частности, активно изучается возможность рассмотрения Европейского союза или АСЕАН в роли потенциальной вершины треугольника [Shambaugh, 2005; Changing transatlantic security relations..., 2006; Цзян, 2019].

¹ Levin N.D., Pollack J.D. Managing the strategic triangle: Summary of a workshop discussion // RAND Corporation. April 1984. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/notes/2007/N2125.pdf> (accessed: 15.06.2023).

По мнению Дениса Дегтерева (Институт Африки РАН), стратегическое измерение треугольника проявляется в двух аспектах: во-первых, это такой треугольник, отношения в котором оказывают существенное влияние на весь мир, а его вершинами выступают наиболее важные страны, играющие особую роль в институтах глобального управления, например члены «Группы двадцати» (G20); во-вторых, в контексте изучения стратегического аспекта в треугольниках речь идет прежде всего о сфере так называемой высокой политики, включающей вопросы обороны и обеспечения безопасности. Исходя из этого, пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (РФ, США, КНР, Великобритания и Франция) должны составлять вершины основных стратегических треугольников [Дегтерев, Рамич, 2021].

Следуя этой логике, мы готовы предположить, что отношения между Россией, Индией и Китаем подпадают под критерии стратегического треугольника. Эти три страны являются важными акторами не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Все они продвигают идею о многополярном мире и тесно связаны друг с другом. Неудивительно, что стратегическое взаимодействие между ними привлекает повышенное внимание исследователей [Россия — Китай — Индия..., 2000; Яскина, 2003; Уянаев, 2004]. Существует взаимная заинтересованность в согласовании национальных интересов у России и Индии, России и Китая, Индии и Китая при наличии противоречий между ними. Более того, Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и странами, обладающими ядерным оружием. На них лежит большая ответственность за поддержание мира и безопасности. С окончанием холодной войны и растущим давлением со стороны США три государства начали активно сотрудничать, что в конечном счете привело к созданию группы РИК (Россия — Индия — Китай) как воплощения идеи международной структуры, единственно способной стать ядром сплочения антигегемонистских сил в незападной части мирового сообщества [Яковлев, 2004]. Следует отметить, что идея создания РИК была первоначально выдвинута тогдашним премьер-министром России Е.М. Примаковым во время его визита в Индию в декабре 1998 г.², когда «медовый месяц» отношений РФ и Запада по-

² Лавров рассказал об идее Примакова создать «треугольник» Россия — Индия — Китай // РИА Новости. 29.10.2019. Доступ: <https://ria.ru/20191029/1560334084.html> (дата обращения: 15.06.2023).

дошел к концу и они перешли к независимой друг от друга внешней политике. В то же время трехсторонние отношения между Россией, Индией и Китаем получили новый импульс к развитию.

Таким образом, строгого определения стратегического треугольника не существует, однако опыт изучения трехсторонних китайско-американо-советско/российских отношений показывает, что эта концепция обладает значительным эпистемологическим потенциалом. В этом смысле анализ трехстороннего взаимодействия между Россией, Индией и Китаем может быть исключительно полезен с точки зрения понимания логики развития современной мировой политики.

При этом особенности и внутренняя структура российско-индийско-китайского треугольника остаются еще во многом неизученными. Теория «стратегического треугольника» КНР — США — СССР/РФ не всегда подходит для объяснения логики и специфики трехсторонних российско-китайско-индийских отношений. В этой связи в настоящей статье предпринимается попытка выявить специфические черты стратегического треугольника «Россия — Индия — Китай», структуру и логику взаимодействия его участников. Дальнейшее повествование будет построено вокруг анализа каждой из пар двусторонних отношений в треугольнике. Такой подход к организации исследования обусловлен тем, что состояние и особенности каждой линии двусторонних отношений (между Пекином и Москвой, Москвой и Нью-Дели, Пекином и Нью-Дели) оказывают влияние на потенциал, прочность и возможности треугольной конфигурации в целом [Уянаев, 2022]. Поскольку на официальном уровне трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая началось только в XXI в., хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 по 2022 г.

Особенности китайско-российских отношений

Начиная с XXI в. китайско-российские отношения стремительно развивались. В 2001 г. был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой»³, который закрепил в юридической

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 15.06.2023).

форме волю и решимость КНР и РФ укреплять двусторонние отношения. В 2004 г. две страны подписали «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части»⁴, посредством которого устранили наиболее важные источники напряженности времен холодной войны.

В 2003–2013 гг., когда должность председателя КНР занимал Ху Цзиньтао, особый импульс к развитию получил стратегический диалог на высшем уровне между Китаем и Россией. После того как Си Цзиньпин вступил в должность председателя КНР в 2013 г., отношения между Китаем и Россией не только продолжили успешно развиваться, но и приобрели новое качество, вступили в новую эпоху.

В 2013 г. Пекин выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), после чего были проведены российско-китайские консультации по вопросам более тесного сотрудничества, в рамках которых особое внимание было уделено совместной деятельности в Центральной Азии (ЦА). После распада Советского Союза страны этого региона стремились диверсифицировать свою внешнюю торговлю и внутренние инвестиции. В данном контексте Китай стал ключевым игроком в ЦА. При этом центральноазиатские страны входят в политическое объединение СНГ и принимают участие в продвигаемом Россией интеграционном проекте — Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а потому представляют собой один из ключевых векторов российской внешней политики на постсоветском пространстве [Погодин, Тараканова, 2021]. Таким образом, нельзя полностью исключать потенциальную геополитическую конкуренцию между Китаем и Россией в этом регионе. Некоторые исследователи утверждают, что столкновение интересов двух держав в ЦА может стать единственным возможным источником конфликтности в двусторонних отношениях [Песцов, 2017].

Для того чтобы снизить вероятность потенциального конфликта в регионе, 8 мая 2015 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского

⁴ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 14 октября 2004 г. // МИД России. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/ (дата обращения: 15.06.2023).

экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»⁵, в котором объявили о своем намерении сотрудничать в направлении конвергенции двух мегапроектов. Тем самым стороны в очередной подтвердили высокий уровень взаимопонимания в двусторонних отношениях.

5 июня 2019 г. взаимодействие двух стран переросло в «китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерское сотрудничество в новую эпоху»⁶. Важным признаком углубления двусторонних отношений является значительный прогресс, достигнутый в экономической сфере. Экономическое сотрудничество между странами имеет естественную географическую основу и выступает важным фактором поддержания стабильности стратегического партнерства [Мэн, 2015]. Если раньше отношения Китая и России были «теплыми в политике и холодными в экономике», то теперь у двух стран появилась тенденция к развитию модели «тепло и в политике, и в экономике»⁷.

В 2019 г. Китай и Россия достигли соглашения и поставили цель увеличить объем взаимной торговли до 200 млрд долл. США к 2024 г. Согласно статистике, недавно опубликованной Главным таможенным управлением КНР, объем торговли между странами в 2022 г. увеличился на 29,3% в годовом исчислении, достигнув 190,3 млрд долл. США⁸. При этом экспорт из Китая в РФ за прошедший год увеличился на 12,8% и составил примерно 76,1 млрд долл. США, при аналогичных показателях — 43,4% и 114,15 млрд долл. США — у российской стороны. Товары, импортируемые Россией из Китая,

⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. // Президент России. 05.06.2019. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Юи Хэцзо Хэпин — Чжунь Э Юаньшоу Кэлимулинь Гун Хуэйянь Цэцзи [Дружба, сотрудничество, мир — Переговоры между главами государств Китая и России в Кремле] // Правительство КНР. 22.03.2023. Доступ: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/22/content_5747908.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

⁸ Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3% // ТАСС. 13.01.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/16791461?ysclid=lgnhvneyhz750092328> (дата обращения: 15.06.2023).

включают бытовую технику, микропроцессоры, автомобили и одежду, в то время как в номенклатуру российского экспорта входят минеральные ресурсы (нефть, трубопроводный газ, сжиженный природный газ, уголь и мазут), морепродукты и продукция сельского хозяйства (прежде всего пшеница).

Рост объема взаимной торговли зависит от нескольких ключевых обстоятельств. Во-первых, между Китаем и Россией существует ярко выраженная геоэкономическая взаимодополняемость [Лукин, Губин, 2021]. КНР является крупным потребителем энергоресурсов, а Россия — их ведущим производителем и поставщиком. Во-вторых, с момента начала «украинского кризиса» в марте 2014 г. две страны подписали множество экономических и финансовых соглашений, стремясь укрепить свои относительно слабые, но имеющие большой потенциал отношения в этих сферах. В-третьих, условия глобальной торговли резко изменились в 2022 г. в контексте введения Западом новых санкций против России: большое количество российских торговых потоков было переориентировано на Восток. По словам посла РФ в Китае Игоря Моргулова, КНР стала крупнейшим покупателем российского продовольствия по итогам 2022 г.⁹

Поскольку военно-политическое давление Соединенных Штатов на Китай продолжает усиливаться, Пекин придает всё большее значение уникальной роли России в сопротивлении американской гегемонии и укрепляет с ней сотрудничество в области безопасности. Военно-политические связи между КНР и РФ были усилены в 2022 г., при этом особое внимание уделяется Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Воздушно-космические силы России и Народно-освободительная армия Китая провели совместное воздушное патрулирование в Японском и Восточно-Китайском морях в мае и ноябре 2022 г. В этих летных заданиях участвовали российские стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Воом-6К ВВС Китая, а истребители Су-30 и Су-35 обеспечивали их сопровождение. С 21 по 27 декабря того же года военно-морские силы Китая и России провели совместные военные учения «Морское взаимодействие-2022» в Восточно-Китайском море. Подобные учения проводятся с 2012 г. уже 10 лет подряд и стали устойчивым механизмом сотрудничества.

⁹ Посол РФ: китайский бизнес занимает места ушедших западных компаний // Вести.ру. 04.03.2023. Доступ: <https://www.vesti.ru/finance/article/3233227> (дата обращения: 15.06.2023).

Военное взаимодействие между Китаем и Россией не изменилось из-за российско-украинского конфликта. В контексте усиления военной деятельности Соединенных Штатов в АТР, провоцирования ими напряженности в Тайваньском проливе и формирования коалиций с антикитайской направленностью (Quad, AUKUS) совместные военные учения Пекина и Москвы способствуют укреплению мира и стабильности в регионе, а также отражают высокое взаимное доверие между двумя странами в стратегической сфере.

Стоит отметить, что Китай и Россия характеризуют двусторонние отношения как партнерские, а не союзнические, что проявляется в политике «три нет», т.е. «нет созданию альянса, нет вступлению в конфронтацию, нет нацеленности против третьих стран». «Быть партнером, а не союзником» — это концептуальная основа построения Китаем нового типа международных отношений в новую эпоху¹⁰. В совместном заявлении, опубликованном в июне 2016 г., главы обоих государств четко обозначили, что китайско-российские отношения не носят союзнического характера¹¹. Основное различие между понятиями «партнер» и «союзник» заключается в отсутствии стремления сторон построить военно-политический альянс, нацеленный на борьбу с неким внешним врагом. В то же время партнерство отличается высокой гибкостью и помогает двум странам решать различные вопросы безопасности и экономики в соответствии с их национальными интересами. При этом, говоря о китайско-российских отношениях, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что российско-китайское стратегическое партнерство вышло на более высокий уровень, чем традиционный военно-политический альянс¹². Тем самым, на наш взгляд, глава внешнеполитического ведомства РФ противопоставил мирный и конструктивный характер

¹⁰ Си Цзиньпин чуши чжунъян вайши гун цзо хуэй и бин фабяо чжунъяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в рабочей конференции ЦК КПК по иностранным делам и выступил с речью] // Синьхуа. 29.11.2014. Доступ: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

¹¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ элосы лянбан лянхэ шэнмин [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации] // Синьхуа. 27.06.2016. Доступ: http://www.xinhuanet.com/world/2016-06/27/c_129092111.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

¹² В ГД прошел «правительственный час» с Министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 26.01.2022. Доступ: <http://duma.gov.ru/news/53300/> (дата обращения: 15.06.2023).

сотрудничества двух стран наступательной политике традиционных военных союзов.

Таким образом, политическое содержание российско-китайских отношений прагматично и продуктивно, страны придерживаются одинаковых или схожих позиций по многим основным международным и региональным вопросам. Тем не менее это не означает, что они могут сотрудничать по всем направлениям. Например, когда возникает территориальный спор между Китаем и Вьетнамом по Южно-Китайскому морю или пограничные трения между Китаем и Индией, Россия не может полностью поддержать позицию Пекина, учитывая стратегическое партнерство между Москвой и Ханоем, а также между Москвой и Нью-Дели. Аналогично в конфликте между Россией и Украиной Китай не может ни публично выступить против действий РФ, ни открыто поддержать российскую специальную военную операцию.

В то же время отличительной особенностью китайско-российских отношений являются взаимопонимание и поддержка по вопросам, затрагивающим ключевые взаимные интересы в области защиты национального суверенитета и обеспечения территориальной целостности. Например, касательно китайской сферы влияния на Дяоюйдао, Тайване и в акваториях Южно-Китайского моря, а также по вопросам, связанным с Абхазией, Южной Осетией и присоединением Крыма к России, обе стороны демонстрируют взаимопонимание, избегая этих тем в двусторонних переговорах.

Следует отметить, что китайско-российское партнерство также носит инклюзивный характер. Это выражается во взаимодействии двух держав в рамках многосторонних институтов и механизмов в целях артикуляции общей политической позиции, в поиске новых точек соприкосновения в областях сотрудничества, представляющих совместный интерес, а также в демонстрации приверженности принципам суверенного равенства и невмешательства в дела друг друга. Обе страны координируют свои действия, помогают построению многополярного мира и демократизации международных отношений, укрепляют сотрудничество в рамках G20, стран БРИКС, РИК, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также совместно

работают над созданием «отношений великих держав нового типа»¹³ и «сообщества единой судьбы» [Верченко, 2020].

Несмотря на давление Соединенных Штатов и других западных стран, Китай не изменил своей нейтральной позиции в российско-украинском конфликте и выступает против западных санкций. С 27 февраля 2022 г. по итогам пяти голосований в Генеральной Ассамблее ООН по российско-украинскому конфликту Пекин четыре раза воздержался и один раз проголосовал «против»¹⁴. Китай также проголосовал против резолюции, приостанавливающей членство России в Совете ООН по правам человека¹⁵. Нет никаких сомнений в том, что обеспечение стабильного, здорового и устойчивого развития китайско-российских отношений является важной частью внешнеполитической стратегии КНР.

Особенности российско-индийских отношений

С начала XXI в. российско-индийское стратегическое партнерство прошло два этапа. Первый охватывает период с 2000 по 2010 г., он начался с визита президента РФ Владимира Путина в Индию в октябре 2000 г. Тогда лидеры двух стран подписали Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Индией¹⁶. Согласно документу Нью-Дели и Москва обязались взаимодействовать в шести областях: политике, военном деле, экономике и торговле, обороне, науке и технике, культуре. Это соглашение ознаменовало начало активного периода российско-индийских отношений в новом столетии.

В декабре 2002 г. Россия и Индия подписали «Делийскую декларацию» и договорились проводить ежегодный саммит на уровне

¹³ Кортунов А. Россия — Китай: что такое «отношения великих держав нового типа» // РСМД. 04.07.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-kitay-chto-takoe-otnosheniya-velikikh-derzhav/?ysclid=lfky4k6ybv729050193> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Eleventh emergency special session // United Nations. Available at: <https://www.un.org/en/ga/sessions/emergency11th.shtml> (accessed: 15.06.2023).

¹⁵ UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council // United Nations. 07.04.2022. Available at: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed: 15.06.2023).

¹⁶ Совместное российско-индийское заявление // Президент России. 02.10.2000. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3401> (дата обращения: 15.06.2023).

стратегического партнерства¹⁷. В совместном заявлении стороны отметили, что это партнерство нацелено на создание многополярного мира на основе принципов коллективной безопасности [Ambrosio, 2005]. Когда премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапаи находился с визитом в Москве в 2003 г., он упомянул, что для стратегического партнерства и сотрудничества между Индией и Россией «небо — это предел», добавив, что дружба между странами стала «стабилизирующей силой» в изменившемся мире [Singh, 2013].

В декабре 2004 г. Россия и Индия опубликовали совместную декларацию, в которой говорится, что две страны будут и далее развивать и укреплять свое стратегическое партнерство на основе консенсуса¹⁸. И Россия, и Индия осознали, что такая политика отвечает их долгосрочным интересам. Стоит отметить, что в декларации обе стороны согласились на трехстороннюю встречу министров иностранных дел России, Индии и Китая.

Механизм ежегодного саммита между Россией и Индией и диалог на высшем уровне обеспечивают важную платформу для обмена мнениями и обсуждения двусторонних отношений, международных и региональных вопросов. Кроме того, были созданы различные межправительственные комитеты, в том числе Российско-индийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (2000), Российско-индийский инвестиционный форум (2007) и Российско-индийская конференция генеральных директоров (2008). Эти мероприятия активно содействовали обмену и сотрудничеству между Россией и Индией в военной, торгово-экономической и других областях [Ли, 2012].

На втором этапе (2010 г. — настоящее время) российско-индийские отношения трансформировались в «привилегированное стратегическое партнерство»¹⁹. Его основные аспекты отражены

¹⁷ Делийская декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия // Президент России. 03.12.2002. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3547> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Республики Индия // Президент России. 03.12.2004. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/2097> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁹ Совместное заявление: Десятилетие стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия и перспективы его развития // Президент России. 21.12.2010. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/825> (дата обращения: 15.06.2023).

в политических, военных и экономических отношениях двух стран. В политическом плане главы государств регулярно обмениваются визитами, развивают дипломатические связи и последовательно работают над дальнейшим их укреплением. Ежегодные встречи на высшем уровне являются наиболее значимым институционализированным механизмом диалога в рамках стратегического партнерства сторон.

В 2014 г. в Индии произошла смена правительства, и Нарендра Моди из Бхаратия джаната парти (БДП) занял пост премьер-министра. Его внешняя политика была отмечена «стремительными визитами» (*whirlwind visits*) по всему миру, направленными на «оживление» связей с целым рядом стран. Следствием кризиса на Украине стало ухудшение взаимоотношений России и Запада, возникла необходимость укреплять сотрудничество с восточными партнерами. 11 декабря 2014 г. Россия и Индия подписали совместное заявление Дружба–Дости, в котором подчеркнули свои планы по укреплению российско-индийского партнерства в ближайшие 10 лет²⁰. В этом заявлении стороны поставили цель довести оборот товаров и услуг до 30 млрд долл. США к 2025 г.

На системном уровне анализа международных отношений можно наблюдать, что глобальный порядок претерпевает изменения с учетом ослабления доминирования Соединенных Штатов и возвышения некоторых развивающихся стран (особенно Китая). На этом фоне нарастает американо-китайское соперничество на международной арене. Пекин и Москва усиливают свое влияние в Азии, что находит отражение, в частности, в продвижении Китаем с 2013 г. инициативы ОПОП и усилиях России в направлении создания полноценного интеграционного блока в рамках ЕАЭС. Особое звучание данные начинания приобретают в связи с проработкой сторонами вопроса об их возможной конвергенции.

После того как Китай и Россия в 2015 г. обозначили намерение сотрудничать в направлении сопряжения ОПОП и ЕАЭС, Совместная исследовательская группа по заключению Соглашения о свободной торговле между Индией и Евразийским экономическим союзом провела свое первое заседание в Москве 31 июля 2015 г. Обе стороны

²⁰ Совместное заявление Дружба–Дости: план по укреплению российско-индийского партнерства в течение следующего десятилетия // Президент России. 11.12.2014. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4790> (дата обращения: 15.06.2023).

решили улучшить мультимодальную связь в рамках Международного транспортного коридора «Север — Юг».

В 2017 г. исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Индией. В мае того же года газета «The Times of India» опубликовала статью российского президента «Россия и Индия: 70 лет вместе»²¹. В ней Владимир Путин подвел итоги предыдущего взаимодействия двух стран и подтвердил большой потенциал его развития в будущем. В том же году при поддержке России Индия официально стала полноправным членом ШОС.

В июне 2017 г. российский лидер встретился с премьер-министром Индии Нарендрой Моди в Санкт-Петербурге, где они приняли Санкт-Петербургскую декларацию «Взгляд в XXI век». В мае 2018 г. Владимир Путин встретился с индийским премьер-министром в Сочи. Стороны обсудили развитие российско-индийского партнерства и основные международные и региональные проблемы. Из частых обменов мнениями между лидерами двух стран можно сделать вывод, что российско-индийские отношения достигли высокого уровня взаимного доверия. Еще одним подтверждением этого является политическое сотрудничество на глобальной арене.

В. Путин и Н. Моди регулярно встречаются на заседаниях в рамках БРИКС, ШОС и G20. В позициях двух стран практически нет различий по основным международным вопросам, таким как изменение характера глобального баланса сил и реструктуризация архитектуры глобального управления. Россия поддерживает возможность включения Индии в состав расширенного Совета Безопасности ООН, а также выступает за принятие Нью-Дели в Группу ядерных поставщиков (ГЯП). Аналогично взгляд Индии на региональные проблемы в общем виде совпадает со взглядом России.

Что касается военно-технического сотрудничества, то оно уже превратилось в главную опору, поддерживающую двусторонние отношения и придающую им стратегическое измерение. Индия была традиционным покупателем оружия у Советского Союза, а затем и у России. Более 60–70% поставок вооружений индийской армии

²¹ Putin V. Russia and India: 70 years together // The Times of India. 30.05.2017. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/toi-edit-page/russia-and-india-70-years-together/> (accessed: 15.06.2023).

приходится на РФ²². Тренд на сотрудничество сторон в этой сфере сохранится и в будущем.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в настоящее время существуют факторы, ограничивающие продажи Россией оружия Индии.

Во-первых, решение Индии о диверсификации своих источников закупок оружия сократит доминирование России на индийском рынке. Ей придется более жестко конкурировать с США, Францией и Израилем [Валуева, Коновалова, 2018].

Во-вторых, провозглашенная индийским правительством в 2014 г. инициатива «Делай в Индии» («Make in India») предполагает постепенный переход от режима сотрудничества «покупатель — продавец» к совместной разработке и производству высокотехнологичных продуктов и инфраструктуры. В 2015 г. Н. Моды посетил Россию. Стороны обозначили планы по расширению сотрудничества в области производства военной техники, исследований и разработок, что совпадает с лозунгом «Делай в Индии» [Рай, 2019]. Так, в рамках подписанного в декабре 2015 г. российско-индийского соглашения о сотрудничестве в области вертолетостроения на территории РФ будет произведено 60 легких многоцелевых вертолетов Ка-226Т, а в Индии — 140²³. Это первый российско-индийский высокотехнологичный проект, реализуемый индийским правительством в рамках программы «Делай в Индии». В настоящее время в стране началось производство автоматов АК-203 на совместном предприятии Indo-Russian Rifles Private Limited²⁴.

В-третьих, важным фактором, сдерживающим российско-индийское военно-техническое сотрудничество, являются санкции США против России. В 2017 г. Соединенные Штаты приняли закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), который создал угрозу для всех стран, сотрудничающих

²² Посол Индии в России: более 60–70 процентов оружия, которым оснащены вооруженные силы Индии, — российского производства // Красная газета. 10.07.2020. Доступ: <http://redstar.ru/posol-indii-v-rossii-bolee-60-70-protsetov-oruzhiya-kotorym-osnashheny-vooruzhyonnye-sily-indii-rossijskogo-proizvodstva/?ysclid=lfefgx0d1f83718-1875> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ Документы официального визита Премьер-министра Республики Индия Нarendры Моды в Российскую Федерацию // Президент России. 24.12.2015. Доступ: <http://www.special.kremlin.ru/supplement/5049> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁴ Индийско-российское сотрудничество в области обороны // Посольство Индии в России. Доступ: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/india-russia-defence-cooperation.php> (дата обращения: 15.06.2023).

с Россией (в том числе в военной сфере)²⁵. Корпорация RAND собирает информацию об экспорте российского оружия в рамках проекта Государственного департамента США по мониторингу деятельности, связанной с разделом 231 CAATSA²⁶. Санкции, введенные Соединенными Штатами, могут затронуть страны, которые осуществляют военно-техническое сотрудничество с Россией (в том числе и Индию).

Стоит отметить, что между Москвой и Нью-Дели существует долгосрочное соглашение о военно-техническом сотрудничестве на период с 2021 по 2031 г. Оно было подписано в ходе первой индийско-российской встречи-диалога в формате «2+2» с участием глав МИД и Минобороны двух стран, которое состоялось в Дели 6 декабря 2021 г.²⁷ Документ включает реализацию более 200 совместных проектов, среди прочего — поставку зенитных ракетных систем (ЗРС) большой дальности С-400 «Триумф». Россия, вероятно, останется крупнейшим оборонным партнером Индии, по крайней мере в течение следующих нескольких лет.

Помимо этого, совместные российско-индийские военные учения также отражают высокую степень взаимного доверия между странами в стратегической плоскости. В мае 2003 г. Россия и Индия провели свои первые совместные военные учения под кодовым названием «Индра-2003» (образовано путем слияния усеченных названий двух стран). Они стали крупнейшими совместными военно-морскими маневрами, проведенными Индией и иностранными военно-морскими силами в то время, а также крупнейшими военными учениями, проведенными Россией за рубежом. Вплоть до 2013 г. маневры проходили нерегулярно (попеременно с участием сухопутных и военно-морских сил), а начиная с 2014 г. — ежегодно в двух фазах: сухопутной и морской.

²⁵ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 15.06.2023).

²⁶ Russian arms sales and sanctions monthly snapshot // RAND National Security Research Division. Available at: <https://www.rand.org/nsrd/projects/russian-arms-sales-and-sanctions-compliance/monthly-snapshot.html> (accessed: 15.06.2023).

²⁷ Бхатия Р. Модернизация связей между Россией и Индией // РСМД. 14.12.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/modernizatsiya-svyazey-mezhdu-rossiyei-i-indiei/?ysclid=lfhnz2bdxe103923047> (дата обращения: 15.06.2023).

Как видим, двусторонние военно-политические отношения между Россией и Индией развивались относительно беспрепятственно. При этом экономические и торговые контакты являются достаточно слабым звеном во взаимодействии двух стран. В целях укрепления торгово-экономического сотрудничества в ноябре 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый Российско-индийский стратегический экономический диалог. Кроме того, индийский премьер-министр был также приглашен в качестве главного гостя Восточного экономического форума 2019 г. для дальнейшего обсуждения вопросов укрепления двусторонних экономических связей.

Рост объема торговли между Россией и Индией происходит относительно медленно, а ее структура несбалансирована (таблица). Очевидно, что объем двусторонней торговли несоразмерен уровню стратегического партнерства двух стран.

Двусторонняя торговля России и Индии в 2010–2021 гг. (в млрд долл. США)

Год	Экспорт России в Индию	Импорт России из Индии	Объем торговли
2010	6,39	2,14	8,53
2011	6,09	2,79	8,89
2012	7,91	3,04	10,95
2013	7,01	3,1	10,11
2014	6,34	3,17	9,51
2015	5,58	2,26	7,83
2016	5,23	2,36	7,59
2017	6,46	2,9	9,36
2018	7,75	3,23	10,98
2019	7,24	3,92	11,16
2020	5,83	3,48	9,31
2021	9,13	4,43	13,56

Источник: Составлено автором на основе данных Федеральной таможенной службы России²⁸.

²⁸ Отчет о внешней торговле между Россией и Индией в 2021 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика // Внешняя торговля России. Доступ: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-indiy-v-2021-g/> (дата обращения: 15.06.2023); Brief on India-Russia economic

Необходимо подчеркнуть, что двусторонняя торговля между двумя державами значительно увеличилась в 2022 г. Интерпретируя данные индийской статистики, посол России в Индии Денис Алипов отметил, что за 11 месяцев 2022 г. этот показатель вырос в 3,4 раза, составив рекордные 35 млрд долл. США, при этом «львиная доля — 32 млрд долл. США — приходилась на поставки нефти, угля, удобрений и металлов из России, а индийский экспорт за тот же период заметно отставал и составил 2,6 млрд долл. США²⁹.

Следует признать, что объем товарооборота между Россией и Индией в 2022 г. превысил поставленную лидерами двух стран задачу по увеличению этого показателя до 30 млрд долл. США к 2025 г. Однако резкий рост взаимной торговли в 2022 г. в основном был обусловлен изменением экономической конъюнктуры под влиянием российско-украинского конфликта. Таким образом, еще предстоит выяснить, приведут ли меры, принятые двумя странами, к качественным изменениям в двусторонних экономических отношениях или стороны по инерции последуют существующей модели взаимодействия.

В целом в последние годы отношения между Москвой и Нью-Дели стабильно развивались. Несмотря на давление других стран и санкции США против России, Индия придерживается духа стратегической автономии и рассматривает РФ как перспективного стратегического партнера [Куприянов, 2019]. Экономические связи вряд ли станут главным приоритетом двусторонних отношений в ближайшей перспективе, при этом сотрудничество в оборонном секторе приобретает всё большее значение для сохранения прочного стратегического партнерства. В основе российско-индийских отношений лежит ориентация на кооперацию, при этом фундаментальных противоречий между странами нет.

Особенности китайско-индийских отношений

В то время как китайско-российские и российско-индийские отношения активно развивались, китайско-индийские отношения как один из важнейших системообразующих элементов мировой

relations // Embassy of India. Available at: <https://www.indianembassy-moscow.gov.in/overview.php> (accessed: 15.06.2023).

²⁹ Посол РФ заявил о динамичном развитии торговли России и Индии // ТАСС. 13.02.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/17036351?ysclid=lfqxbfyqf482634648> (дата обращения: 15.06.2023).

политики также постепенно преодолевали влияние конфронтации времен холодной войны и приобретали новое качество.

В марте 2000 г. в Пекине состоялся первый в истории двусторонних отношений диалог по вопросам безопасности. С 28 мая по 2 июня того же года президент Индии Кочерил Нараянан посетил КНР по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Во время этого визита главы государств подтвердили мирное урегулирование территориальных споров путем переговоров³⁰. После возобновления официальных визитов на высоком уровне двусторонние отношения получили новый импульс к развитию.

При этом следует учитывать влияние пакистанского фактора: после китайско-индийской пограничной войны 1962 г. КНР и Пакистан постепенно установили неформальные союзнические отношения, поскольку в Пекине понимали, что более тесные и стабильные связи с Исламабадом могли послужить китайским стратегическим и геополитическим интересам. На этом фоне Китай нарастил инвестиции в Пакистан в экономической и военно-технической областях. Сотрудничество между двумя странами, особенно военное, беспокоит Индию и ставит ее в неблагоприятное положение в трехсторонних отношениях «Китай — Индия — Пакистан», поскольку при возникновении китайско-индийского конфликта Исламабад может своими действиями сузить для Нью-Дели пространство для стратегического маневра. В свою очередь при аналогичной ситуации индийско-пакистанского противостояния Китай также будет представлять большую угрозу для Индии, поскольку территориальный спор между двумя странами еще не разрешен. Следовательно, трудно игнорировать китайский фактор в процессе многолетнего противостояния между Индией и Пакистаном.

После террористических нападений на законодательную ассамблею в подконтрольном Индии штате Джамму и Кашмир в октябре 2001 г. и на индийский парламент 13 декабря 2001 г. напряженность между двумя соперниками в Южной Азии — обладателями ядерного оружия — резко возросла. Нападение на национальный

³⁰ Цзян Цзэминь Чжуси Юй Иньду Цзунтун На Ла Я Нань Цзюйсинь Хуэйтань [Председатель Цзян Цзэминь провел переговоры с президентом Индии Нараяном] // Представительство Китайской Народной Республики в Литовской Республике. 07.11.2000. Доступ: http://lt.china-office.gov.cn/xwdt/200011/t20001107_2722676.htm (дата обращения: 16.06.2023). (На кит. яз.)

законодательный орган побудило Индию разместить большое количество войск на границе с Пакистаном, и Исламабад отреагировал зеркально. К 2002 г. Индия и Пакистан уже были на грани войны. Геостратегические соображения требовали, чтобы Китай встал на сторону Пакистана, но для поддержания мира и стабильности в юго-западном регионе Пекин публично призвал оба государства проявлять сдержанность и разрешать разногласия путем мирных переговоров и диалога. В результате при посредничестве КНР, США, Соединенного Королевства и России лидеры обеих стран выразили желание снизить градус напряженности и кризис был разрешен. Тем не менее дилемма безопасности Индии и Пакистана и тесное сотрудничество между Пекином и Исламабадом остаются одной из причин, по которой Китаю и Индии трудно достигнуть взаимного доверия. Следует признать, что стабильные китайско-индийские отношения требуют более эффективного балансирования в рамках треугольника «Китай — Индия — Пакистан» [Mohar, 2002].

В июне 2003 г. премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай посетил КНР. В совместной декларации стороны подчеркнули необходимость развития нового типа отношений между Китаем и Индией на основе долгосрочного конструктивного партнерства³¹. В 2005 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао посетил Нью-Дели с визитом, по итогам которого Индия и Китай заявили об установлении «стратегического партнерства во имя мира и процветания» и достигли договоренности о принципах решения пограничных вопросов³². После этого страны подтвердили проведение Года китайско-индийской дружбы в 2006 г. и Года китайско-индийской туристической дружбы в 2007 г., что указывало на позитивную динамику в двусторонних отношениях.

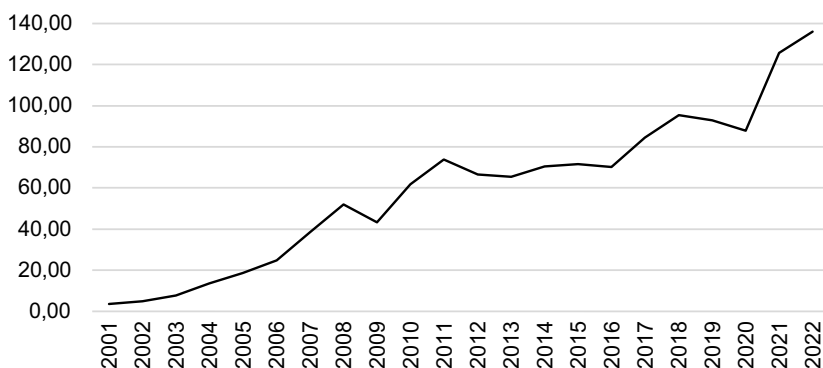
Однако сотрудничество является лишь одним из аспектов китайско-индийских взаимодействий. Оно в основном осуществляется в сферах экономических, торговых и культурных обменов и не связано с политическими вопросами. Что касается территориаль-

³¹ Декларация о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия // Правительство КНР. 23.06.2003. Доступ: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/gongbao/content/2003/content_62251.htm (дата обращения: 15.08.2023). (На кит. яз.)

³² Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Индия // Правительство КНР. 11.04.2005. Доступ: http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64191.htm (дата обращения: 15.08.2023). (На кит. яз.)

ного спора, то дружественная атмосфера, созданная усилиями двух сторон, не всегда выдерживает испытания. В 2008 г. произошла конфронтация между китайскими и индийскими войсками в «Зоне кончика пальца» (англ. Fingertip Area) сиккимского участка границы. В 2013 г. китайские и индийские войска разбили лагерь в долине Тяньнань и в итоге столкнулись друг с другом. В 2014 г. войска двух стран противостояли друг другу в районе Демчок в Чумале на востоке Ладакха в течение 20 дней; в 2017 г. столкновение двух сторон в районе Донгланга продолжалось в течение 72 дней; в 2020 г. военное столкновение произошло в долине Галван, в результате чего с обеих сторон были жертвы, и этот инцидент стал самым интенсивным конфликтом после китайско-индийской пограничной войны 1962 г. Серия столкновений и конфликтов отражает нестабильность в китайско-индийских отношениях и взаимное недоверие.

Таким образом, сотрудничество по широкому кругу вопросов между Китаем и Индией не смогло уравновесить разногласия двух стран по проблеме безопасности. Напротив, конфликт между ними негативно повлиял на их торговое сотрудничество, и объем двусторонней торговли в 2020 г. значительно сократился (рисунок). Это подтверждает выводы ряда исследователей о том, что развитие экономических связей является важной частью национальных интересов, однако оно вторично по сравнению с вопросами обеспечения безопасности [Янь, 2005].

Объем импорта и экспорта Китая в Индию (в млрд долл. США)

Источник: составлено автором на основе данных Национального бюро статистики Китая. Доступ: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 15.08.2023).

Сосуществование сотрудничества и конфронтации является особенностью китайско-индийских отношений. В целях дальнейшей консолидации и развития политических связей между двумя странами, содействия всеобъемлющему и углубленному прагматическому сотрудничеству в различных областях стороны осуществляли обмен визитами на уровне премьер-министров в течение 2013 г., а также опубликовали совместное заявление о видении будущего развития китайско-индийского стратегического партнерства, о его новых институционально-политических рамках. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин официально посетил Индию, а в 2015 г. индийский премьер-министр Нарендра Моди нанес ответный визит в Китай. В 2018 г. лидеры двух стран провели неформальную встречу в Ухане, а в 2019 г. — вторую неформальную встречу в Ченнаи (Индия). В результате этой политики, хотя двусторонние отношения всё еще находятся на низком уровне из-за пограничного конфликта 2020 г., объем взаимной торговли между Китаем и Индией в 2022 г. достиг 135,98 млрд долл. США, увеличившись на 8,4% в годовом исчислении³³. Быстрый рост товарооборота может легко вселить в обывателя оптимизм в отношении будущих контактов между двумя странами, но следует учитывать, что дефицит торгового баланса Индии превысил 100 млрд долл. США. По пограничному вопросу стороны провели 17 раундов переговоров на уровне командиров корпусов, последний раунд состоялся на территории КНР в местечке Мордо/Чушуде 20 декабря 2022 г. Страны договорились поддерживать дипломатический и военный диалог и достичь как можно скорее взаимоприемлемого решения по оставшимся вопросам.

В дополнение к проблеме сотрудничества и конфронтации нельзя забывать о существовании такого важного аспекта китайско-индийских отношений, как конкуренция. Население Китая и Индии составляет более 40% общемирового. По данным Фонда ООН в области народонаселения, численность его в Индии в 2023 г. составила 1,428 млрд человек, что позволяет считать ее первой по данному показателю в мире (Китай теперь занимает второе место)³⁴. Обе страны

³³ India-China trade rises to \$136 billion, trade deficit crosses \$100 billion mark for first time // NDTV Profit. 13.01.2023. Available at: <https://www.ndtv.com/business/india-china-trade-rises-to-136-billion-trade-deficit-crosses-100-billion-mark-for-first-time-3688813> (accessed: 15.08.2023).

³⁴ World Population Dashboard // United Nations Population Fund. Available at: <https://www.unfpa.org/data/world-population-dashboard> (accessed: 15.08.2023).

имеют обширные территории и огромные рыночные перспективы. С быстрым подъемом экономики в этом столетии Индия становится всё более активной на международной арене. Хотя лидеры двух стран неоднократно подчеркивали, что Китай и Индия являются партнерами, на самом деле они жестко конкурируют во многих областях.

По сути, они соперничают за положение в международной иерархии. Нынешний лидер Индии поставил цель повысить статус страны до великой державы [Акарашов, 2017]. Аналогичные устремления присутствуют и у китайского руководства [Турицын, Рау, 2019]. После глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Индия активно участвовала в механизмах сотрудничества G20 и БРИКС и стала развивающейся страной, обладающей значительным глобальным влиянием. Однако всё еще существует разрыв между стремлением Индии к статусу великой державы и его международным признанием.

Во-первых, на глобальном уровне Индия пытается достичь сопоставимого с Китаем влияния в многосторонних институтах. Пекин, например, противодействует попыткам Нью-Дели стать новым постоянным членом Совета Безопасности ООН и участником ГЯП или не оказывает ей содействия в этих вопросах.

Во-вторых, на региональном уровне страны конкурируют за влияние в Южной Азии. С точки зрения Индии, ее лидерство в данном регионе носит оборонительный характер. Когда Китай начал улучшать свои отношения с Бутаном, Индия была обеспокоена этим. Противостояние в регионе Донгланг в 2017 г. было связано не только с территориальными вопросами, но и с претензиями Индии на доминирование в Южной Азии.

В-третьих, Нью-Дели поддерживает расширение американского присутствия в АТР в целях балансирования возросшего китайского влияния. В настоящее время Индия не только является участником Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), но и занимает важное место в «Индо-Тихоокеанской стратегии» США³⁵. Последняя предполагает укрепление стратегического сотрудничества и координации по линии «Вашингтон — Нью-Дели» в ответ на действия Пекина.

³⁵ Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 15.08.2023).

Кроме того, отношение Индии к китайской инициативе «ОПОП» и проекту Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) изменилось в худшую сторону [У, 2018]. Для того чтобы противостоять влиянию КНР, Индия активно продвигает Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМТЭК) и проект «Маусам», в котором доминирует. В то же время после многих лет переговоров Индия решила не присоединяться к Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП). По мнению некоторых исследователей, в Нью-Дели обеспокоены тем, что Китай займет доминирующее положение во ВРЭП. Поскольку Индия рассматривает Южную Азию и Индийский океан как свою сферу влияния, она не хочет дальнейшего усиления позиций Китая в этом регионе [Чэнь и др., 2020]. С точки зрения КНР, Индия напрасно воспринимает двусторонние отношения как игру с нулевой суммой и игнорирует ее усилия по их улучшению [Ye, 2021].

Хотя страны и конкурируют во многих отношениях, в долгосрочной перспективе претензии Китая и Индии на новый международный статус вписываются в системную логику изменения баланса сил, и в этом плане между ними нет строгого противоречия. Китайские элиты демонстрируют преемственность в «индийском вопросе», надеясь, что сотрудничество между двумя странами будет способствовать подъему Азии среди других регионов мира. В то же время укрепление позиций Индии на международной арене в какой-то степени согласуется с предпочтениями Китая по поводу многополярного мира. Кроме того, диверсификация повестки дня при обсуждении международных вопросов, необходимость координации действий в ходе решения глобальных проблем современности в некотором смысле обесценивают конфронтационную логику. Исходя из общих интересов двух сторон, Китай и Индия согласовывают свои действия и сотрудничают в рамках многосторонних и региональных платформ, включая Всемирную торговую организацию, G20, ШОС, Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Китай и Индия являются первым и вторым по величине акционерами АБИИ соответственно³⁶. Помимо этого они

³⁶ Чжунъиньэ ле цянъ сань да гу дун я тоу хан кайци чэнли даоци ши [Китай, Индия и Россия, являясь тремя крупнейшими акционерами АБИИ, запускают «обратный отсчет» до создания банка] // Правительство КНР. 29.06.2015. Доступ: <http://>

также взаимодействуют с другими странами в регионе Индийского океана в целях укрепления межгосударственных связей и совершенствования методов сотрудничества на море для эффективного осуществления операций по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В целом в китайско-индийских отношениях наблюдается больше противоречий, чем в российско-индийских и китайско-российских. Индия и КНР являются и геополитическими соперниками, и международными партнерами. Масштабы экономического сотрудничества между ними постоянно расширяются, но это не означает, что они могут без политических и репутационных издержек постоянно избегать конфликтов, связанных, в частности, с вопросами обеспечения безопасности. Представляется, что модель сосуществования сотрудничества, конфронтации, конкуренции и координации в китайско-индийских отношениях является наиболее отличительной их чертой.

Системный взгляд на треугольник «Россия — Индия — Китай»

Итак, взаимоотношения России, Индии и Китая действительно можно рассматривать в качестве особой подсистемы международных отношений, образующей полноценный стратегический треугольник. Взаимодействия внутри него отличаются особой глубиной и масштабом. Когда речь заходит о любой паре двусторонних отношений, трудно не заметить ее связь с оставшейся вершиной треугольника. Например, Китай и Индия являются стратегическими партнерами России, при этом и Пекин, и Нью-Дели вынуждены учитывать российский фактор в таких общих для них вопросах, как региональная безопасность и борьба с терроризмом. Поддерживая трехсторонние отношения, Россия также может обеспечить платформу для урегулирования китайско-индийских противоречий.

При этом, в отличие от китайско-американо-советского стратегического треугольника, в рамках РИК в целом преобладает логика сотрудничества, а не соперничества. Ярким примером является то, как после китайско-индийского территориального спора 2020 г., Россия предоставила Китаю и Индии необходимую площадку для переговоров. Сначала в июне 2020 г. Москва провела трехстороннюю

видеоконференцию министров иностранных дел, чтобы создать возможность для диалога между Китаем и Индией. Затем российская дипломатия использовала заседание ШОС, состоявшееся в Москве 5 сентября 2020 г., чтобы усадить за стол переговоров министров обороны двух стран, что и было успешно реализовано. После этой встречи обе стороны заявили, что они восстановят мир посредством диалога.

Еще одним важным форматом взаимодействия в рамках треугольника РИК являются трехсторонние встречи на уровне министров иностранных дел. Первая такая встреча состоялась в сентябре 2002 г. На 26 ноября 2021 г. было проведено 18 встреч. Этот механизм стал важной платформой для укрепления взаимопонимания, повышения уровня доверия и расширения сотрудничества.

Формат РИК играет большую роль и в процессе согласования позиций трех стран в рамках БРИКС и ШОС. Россия, Индия и Китай являются самыми крупными экономиками группы БРИКС, обладая и соответствующим геополитическим весом. Их участие в форумах объединения способствует разработке и продвижению совместных инициатив, таких как Новый банк развития и пул условных валютных резервов. Как отметил Андрей Кортунов, научный руководитель и член президиума Российского совета по международным делам, внутри БРИКС есть ядро — РИК, оно заслуживает больших политических инвестиций³⁷. Что касается ШОС, то с момента создания этой организации в июне 2001 г. Индия стремилась стать государством-наблюдателем. При поддержке Москвы и Пекина в 2017 г. она была принята в организацию в качестве полноправного члена³⁸. Будучи постоянными членами ШОС, Россия, Индия и Китай принимают активное участие в решении вопросов безопасности, мирного урегулирования споров и развития экономического сотрудничества в регионе.

В то же время треугольник РИК представляет собой внутренне противоречивую систему взаимоотношений трех стран [Панченко,

³⁷ Кортунов А. Необходимо усиливать сотрудничество РФ, Индии и КНР в рамках БРИКС // РСМД. 04.12.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/neobkhdimo-usilivat-sotrudnichestvo-rf-indii-i-knr-v-ramkakh-briks/?ysclid=lk13xh77iw790039908> (дата обращения: 26.08.2023).

³⁸ Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики // МИД России. 02.02.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1582679/ (дата обращения: 27.08.2023).

2009]. Иными словами, это не равносторонний треугольник. Китай и Россия поддерживают тесное стратегическое сотрудничество, однако Индия и РФ проявляют недостаточную инициативу в деле укрепления взаимоотношений, а двусторонний товарооборот всё еще очень невелик. Китайско-индийские отношения представляют наиболее сложный узел противоречий и остаются на низком уровне: дефицит взаимного доверия между двумя странами в стратегической сфере, торговые диспропорции, территориальные споры, пакистанский фактор сдерживают развитие полноценного и широкоформатного политического диалога между. В треугольнике РИК роль экономического фактора значительно возросла, однако экономическое сотрудничество зачастую ставится в зависимость от военно-политических императивов.

Можно заключить, что модель развития российско-индийско-китайских трехсторонних отношений не согласуется с теоретическими моделями М. Уайта и Л. Диттмера. Россия находится в более благоприятном положении в треугольнике и одновременно поддерживает стратегическое партнерство с Китаем и Индией. Однако китайско-индийские отношения не являются взаимоисключающими. В условиях глобализации необходимость решения множества проблем сводит на нет вероятность полномасштабного противостояния между любыми двумя игроками. Модель треугольника «СССР — Китай — США», разработанная в период холодной войны, акцентирует внимание на соперничестве между тремя странами, в то время как «треугольные отношения» между Россией, Индией и Китаем больше ориентированы на сотрудничество и согласование позиций. Следовательно, теория стратегических трехсторонних отношений между Китаем, Соединенными Штатами и Советским Союзом не совсем подходит для анализа трехсторонних отношений между Россией, Индией и КНР. Существует необходимость пересмотреть имеющуюся теоретическую модель и создать новую для анализа трехсторонних отношений в стратегическом треугольнике РИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акарашов И.С. Является ли Индия великой державой? // Международные отношения. 2017. № 4. С. 80–86. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24797.
2. Валуева И.А., Коновалова Ю.А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 1. С. 28–37. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37.

3. Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001.

4. Воробьёва Т.А., Юнгблуд В.Т. Взаимоотношения в треугольнике США — СССР — КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1. С. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.

5. Галенович Ю.М. Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов? М.: Русская панорама, 2006.

6. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2.

7. Куприянов А.В. Сотрудничество России и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях санкций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 117–135. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-06.

8. Ли Г. И чжун чжэнчан дэ чжань люэ хобань гуаньси — Э инь чжань люэ хэцзо дэ чэнсяо юй цянъцин [Эффективность и перспективы нормального стратегического партнерства — стратегического сотрудничества России и Индии] // Э ло сы янь цзю. 2012. № 4. С. 43–66. (На кит. яз.)

9. Лукин А.Л., Губин А.В. Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее // Японские исследования. 2021. № 4. С. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112.

10. Мэн Х. Дунъя чжи сюй лунь ди цюй бян дун ли лян бо и юй чжун го люэ [Теория восточноазиатского порядка: региональные изменения, силовые игры и стратегия Китая]. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2015. (На кит. яз.)

11. Панченко М.Ю. Управление АТР на примере «стратегического треугольника Россия — Индия — Китай»: межпарадигмальный подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 21. С. 1–10.

12. Песцов С.К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 51–63.

13. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 77–85. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85.

14. Рау И. Взлет Индии под руководством Наре[н]дры Моди // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 150–163.

15. Россия — Китай — Индия: проблемы стратегического партнерства (по материалам совместной конференции ИДВ и ИВ РАН, 29 ноября — 1 декабря 1999 г., Москва). Вып. 7 / Отв. за вып. В.С. Мясников. М., 2000.

16. Ся Л. Дан дай го цзи гуань си чжун дэ сань цзяо гуань си: чао юе цзюнь ши ли нянь [Трехсторонние отношения в современных международных отношениях: за пределами концепции равновесия] // Ши цзе цзин цзи юй чжэн чжи. 2002. № 1. С. 17–21. (На кит. яз.)

17. Турицын И.В., Рау И. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 135–159.

18. У Ч. Иньду дуй и дай и лу чанъи дэ личанъи яньхуа юй вэйлай цюйши [Эволюция и будущие тенденции в позиции Индии в отношении инициативы «Пояс и путь»] // Нань я янь цзю. 2018. № 2. С. 24–39. (На кит. яз.)

19. Уянаев С.В. Диалоговый формат «Россия — Индия — Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России // Азия и Африка сегодня. 2022. № 9. С. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2.

20. Уянаев С.В. Россия — Китай — Индия: на пути трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2004. Т. 9. № 9. С. 24–39.

21. Цзян Ч. Чжун мэй мао и мо ца юй чжун — мэй — дун мэн сань цзяо гуань си ху дун [Китайско-американские торговые трения и взаимодействия в рамках трехсторонних отношений «Китай — США — АСЕАН»] // Цюй юй юй цюань цю фа чжань. 2019. № 6. С. 130–152. (На кит. яз.)

22. Чжао Х. Лунь чжун э мэй синь сань цзяо гуань си [О новых трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Соединенными Штатами] // Э ло сы чжун я дун оу янь цзю. 2018. № 6. С. 1–25. (На кит. яз.)

23. Чэнь Л., Чжан Т., Ван Л. Иньду цзай RCEP чжун дэ бо и цзици цзяжу цяньцзин фэньси [Анализ политики Индии по отношению к ВРЭП и перспектив ее присоединения к партнерству] // Нань я дун нань я янь цзю. 2020. № 4. С. 53–76. (На кит. яз.)

24. Яковлев А.Г. Глобальные факторы: «за» и «против» стратегического треугольника // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост. и авт. предисл. С.В. Уянаев. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 121–130.

25. Янь С. Гоцзи чжэнчжи юй чжунго [Международная политика и Китай]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. (На кит. яз.)

26. Яскина Г.С. Россия — Китай — Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 28–38.

27. Ambrosio T. The third side? The multipolar strategic triangle and the Sino-Indian rapprochement // Comparative Strategy. 2005. Vol. 24. No. 5. P. 397–414. DOI: 10.1080/01495930500448863.

28. Changing transatlantic security relations: Do the US, the EU and Russia form a new strategic triangle? / Ed. by J. Hallenberg, H. Karlsson. London: Routledge, 2006.

29. Dittmer L. The Sino-Japanese-Russian triangle // *Journal of Chinese Political Science*. 2005. Vol. 10. P. 1–21. DOI: 10.1007/BF02877005.

30. Dittmer L. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis // *World Politics*. 1981. Vol. 33. No. 4. P. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.

31. Kim I.J. The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union. New York: Paragon House, 1987.

32. Mohan M. The China factor in the India-Pakistan conflict // *Parameters*. 2002. Vol. 33. No. 1. P. 35–50. DOI: 10.55540/0031-1723.2134.

33. Shambaugh D. The new strategic triangle: US and European reactions to China's rise // *The Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. No. 3. P. 5–25. DOI: 10.1162/0163660054026470.

34. Singh S. Political and strategic dimensions of India-Russia relations in present scenario // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. Vol. 6. No. 8. P. 1232–1239.

35. Wight M. *Systems of states*. Leicester: Leicester University Press, 1977.

36. Ye H. Perception of identity, perception of relationship and strategic interaction: An analysis of China-Indian border disputes from the perspective of game theories // *East Asian Affairs*. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1142/S2737557921500030.

37. Zha D. The Asian-American triangle and beyond // *International Studies Review*. 2001. Vol. 3. No. 3. P. 117–126. DOI: 10.1111/1521-9488.00247.

REFERENCES

1. Akarashov I.S. 2017. Yavlyaetsya li Indiya velikoi derzhavoi? [Is India a great power?]. *International Relations*, no. 4, pp. 80–86. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24797. (In Russ.)

2. Valueva I.A., Konovalova Yu.A. 2018. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo dvukh regional'nykh derzhav: novye vyzovy dlya Rossii i Indii [Military and technical cooperation of two regional leaders: New challenges for Russia and India]. *RUDN Journal of Economics*, vol. 26, no. 1, pp. 28–37. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37. (In Russ.)

3. Verchenko A.L. 2020. Prodvizhenie Kitaem idei 'soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva' [China's promotion of the idea of 'community of common destiny for mankind']. *East Asia: Facts and Analytics*, no. 1, pp. 6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001. (In Russ.)

4. Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. Vzaimootnosheniya v treugol'nike SShA — SSSR — KNR v kontse perioda razryadki mezhdunarodnoi napryazhenosti (1977–1980 gg.) [Relations within 'triangle' USA — USSR — China at the

end of détente (1977–1980)]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1, pp. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82. (In Russ.)

5. Galenovich Yu.M. 2006. *Rossiya — Kitai — Amerika. Ot sopernichestva k garmonii interesov?* [Russia — China — America. From rivalry to harmony of interests?]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)

6. Degterev D.A., Ramich M.S. 2021. Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoi politike [Strategic triangles and balancing in world politics]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2. (In Russ.)

7. Kupriyanov A.V. 2019. Sotrudnichestvo Rossii i Indii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh sanktsii [Russian and Indian cooperation in the Indo-Pacific region in the context of sanctions]. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 117–135. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-06. (In Russ.)

8. Li G. 2012. I chzhun chzhengan de chzhan' lyue khoban' guan'si — E in' chzhan'lyue khetszo de chensyao yui tsyan'tszin [Effectiveness and prospects of a normal strategic partnership — Strategic cooperation between Russia and India]. *E lo sy yan' tszyu*, no. 4, pp. 43–66. (In Chinese.)

9. Lukin A.L., Gubin A.V. 2021. Strategicheskii treugol'nik Rossii, Kitaya i Yaponii: istoriya, sovremennost' i vozmozhnoe budushchee [The strategic triangle of Russia, China and Japan: History, present, and possible future]. *Japanese Studies in Russia*, no. 4, pp. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112. (In Russ.)

10. Men Kh. 2015. *Du'ya chzhi syui lun' di tsyui byan' dun li lyan bo i yui chzhun go lyue* [The theory of the East Asian order: Regional changes, power games and China's strategy]. Shanghai, Shangkhaikoe narodnoe izdatel'stvo Publ. (In Chinese.)

11. Panchenko M.Yu. 2009. Upravlenie ATR na primere 'strategicheskogo treugol'nika Rossiya — Indiya — Kitai': mezhpardigmal'nyi podkhod [Management of the Asia-Pacific region on the example of the 'strategic triangle Russia — India — China': An inter-paradigm approach]. *Public Administration E-Journal*, no. 21, pp. 1–10. (In Russ.)

12. Pestsov S.K. 2017. Rossiya i Kitai: vospriyatie drug druga i perspektivy sotrudnichestva [Russia and China: The perception of each other and the prospects for cooperation]. *Russia in the Global World*, no. 11 (34), pp. 51–63. (In Russ.)

13. Pogodin S.N., Tarakanova T.S. 2021. Vneshnepoliticheskie interesy Rossiiskoi Federatsii v Tsentral'noi Azii [Foreign policy interests of the Russian Federation in Central Asia]. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 2 (36), pp. 77–85. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (In Russ.)

14. Rau I. 2019. Vzlet Indii pod rukovodstvom Nare[n]dry Modi [Rise of India under the leadership of Narendra Modi]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 5, pp. 150–163. (In Russ.)

15. Myasnikov V.S. (ed.). 2000. *Rossiya — Kitai — Indiya: problemy strategicheskogo partnerstva (po materialam sovmestnoi konferentsii IDV i IV RAN, 29 noyabrya — 1 dekabrya 1999 g., Moskva)*. Vyp. 7 [Russia — China — India: Problems of strategic partnership (based on the materials of the joint conference of IFES RAS and IOS RAS, November 29 — December 1, 1999, Moscow). Iss. 7]. Moscow. (In Russ.)

16. Sya L. 2002. Dan dai go tsi guan' si chzhun de sa' tszyao guan' si: chao yue tszyun' shi li nyan' [Trilateral relations in modern international relations: Beyond the concept of equilibrium]. *Shi tsze tszin tsi yui chzhen chzhi*, no. 1, pp. 17–21. (In Chinese.)

17. Turitsyn I.V., Rau I. 2019. 'Kитайская мечта' o velikom vrozozhdenii natsii i vneshnyaya politika KNR epokhi Si Tsin'pina (2012–2018 gg.) ['Chinese dream' on the great revival of the nation and the foreign policy of the People's Republic of China of the epoch of Xi Jinping (2012–2018-ies)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 1, pp. 135–159. (In Russ.)

18. U Ch. 2018. In'du dui i dai i lu chan' i de lichan' yan'khua yui veilai tsiyushi [Evolution and future trends in India's position on the Belt and Road Initiative]. *Nan' ya yan' tszyu*, no. 2, pp. 24–39. (In Chinese.)

19. Uyanaev S.V. 2022. Dialogovyi format 'Rossiya — Indiya — Kitai': kitaiskii faktor, tekushchie perspektivy, zadachi Rossii ['Russia — India — China' dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia]. *Asia and Africa Today*, no. 9, pp. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2. (In Russ.)

20. Uyanaev S.V. 2004. Rossiya — Kitai — Indiya: na puti trekhstoronnego vzaimodeistviya [Russia — China — India: On the path towards trilateral cooperation]. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 9, no. 9, pp. 24–39. (In Russ.)

21. Tszyan Ch. 2019. Chzhun mei mao i mo tsa yui chzhun — mei — dun men san' tszyao guan' si khu dun [Sino-American trade tensions and interactions within the framework of the China — USA — ASEAN trilateral relations]. *Tsyui yui yui tsiyuan' tsyu fa chzhan'*, no. 6, pp. 130–152. (In Chinese.)

22. Chzhao Kh. 2018. Lun' chzhun e mei sin' san' tszyao guan' si [New trilateral relations between China, Russia and the United States]. *E lo sy chzhun ya dun ou yan' tszyu*, no. 6, pp. 1–25. (In Chinese.)

23. Chen' L., Chzhan T., Van L. 2020. In'du tszai RCEP chzhun de bo i tszitsi tszyazhu tsiyan'tsin fen'si [Analysis of India's policy towards RCEP and its prospects for joining the partnership]. *Nan' ya dun nan' ya yan' tszyu*, no. 4, pp. 53–76. (In Chinese.)

24. Yakovlev A.G. 2004. Global'nye faktory: 'za' i 'protiv' strategicheskogo treugol'nika [Global factors: 'For' and 'against' the strategic triangle]. In: Uyanaev S.V. (ed.). *Vzaimodeistvie Rossii, Indii i Kitaya v XXI v.: problemy, perspektivy, napravleniya* [Interaction of Russia, India and China in the 21st century: Problems, prospects, trends]. Moscow, IDV RAN Publ., pp. 121–130. (In Russ.)

25. Yan' S. 2005. *Gotszi chzhenchzhi yui chzhungo* [International politics and China]. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta Publ. (In Chinese.)
26. Yaskina G.S. 2003. Rossiya — Kitai — Indiya: perspektivy trekhstoron-nego sotrudnichestva [Russia — China — India: Prospects for trilateral cooperation]. *Far Eastern Affairs*, no. 1, pp. 28–38. (In Russ.)
27. Ambrosio T. 2005. The third side? The multipolar strategic triangle and the Sino-Indian rapprochement. *Comparative Strategy*, vol. 24, no. 5, pp. 397–414. DOI: 10.1080/01495930500448863.
28. Hallenberg J., Karlsson H. (eds.). 2006. *Changing transatlantic security relations: Do the US, the EU and Russia form a new strategic triangle?* London, Routledge.
29. Dittmer L. 2005. The Sino-Japanese-Russian triangle. *Journal of Chinese Political Science*, vol. 10, pp. 1–21. DOI: 10.1007/BF02877005.
30. Dittmer L. 1981. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis. *World Politics*, vol. 33, no. 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.
31. Kim I.J. 1987. *The strategic triangle: China, the United States and the Soviet Union*. New York, Paragon House.
32. Mohan M. 2002. The China factor in the India-Pakistan conflict. *Parameters*, vol. 33, no. 1, pp. 35–50. DOI: 10.55540/0031-1723.2134.
33. Shambaugh D. 2005. The new strategic triangle: US and European reactions to China's rise. *The Washington Quarterly*, vol. 28, no. 3, pp. 5–25. DOI: 10.1162/0163660054026470.
34. Singh S. 2013. Political and strategic dimensions of India-Russia relations in present scenario. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 6, no. 8, pp. 1232–1239.
35. Wight M. 1977. *Systems of states*. Leicester, Leicester University Press.
36. Ye H. 2021. Perception of identity, perception of relationship and strategic interaction: An analysis of China-Indian border disputes from the perspective of game theories. *East Asian Affairs*, vol. 1, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.1142/S2737557921500030.
37. Zha D. 2001. The Asian-American triangle and beyond. *International Studies Review*, vol. 3, no. 3, pp. 117–126. DOI: 10.1111/1521-9488.00247.

Статья поступила в редакцию 03.01.2023; одобрена после
рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 22.01.2024

The paper was submitted 03.01.2023; approved after reviewing 28.07.2023;
accepted for publication 22.01.2024